

Роберт
Дарнтон

ПОЭЗИЯ И ПОЛИЦИЯ

Сеть коммуникаций в Париже

XVIII

века

👍 J'aime

💬 Commenter

➦ Partager

Amis ▼

Publier

Роберт Дарнтон
Поэзия и полиция.
Сеть коммуникаций
в Париже XVIII века
Серия «Интеллектуальная история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18471381

*Поэзия и полиция. Сеть коммуникаций в Париже XVIII века: Новое
литературное обозрение; Москва; 2016
ISBN 9785444804407*

Аннотация

Книга профессора Гарвардского университета Роберта Дарнтона «Поэзия и полиция» сочетает в себе приемы детективного расследования, исторического изыскания и теоретической рефлексии. Ее сюжет связан с вторичным распутыванием обстоятельств одного дела, однажды уже раскрытого парижской полицией. Речь идет о распространении весной 1749 года крамольных стихов, направленных против королевского двора и лично Людовика XV. Пытаясь выйти на автора, полиция отправила в Бастилию четырнадцать представителей образованного сословия – студентов, молодых священников и адвокатов. Реконструируя культурный контекст,

стоящий за этими стихами, Роберт Дарнтон описывает злободневную, низовую и придворную, поэзию в качестве важного политического медиа, во многом определявшего то, что впоследствии станет называться «общественным мнением». Пытаясь – вслед за французскими сыщиками XVIII века – распутать цепочку распространения такого рода стихов, американский историк вскрывает роль устных коммуникаций и социальных сетей в эпоху, когда Старый режим уже изживал себя, а Интернет еще не был изобретен.

Содержание

Предисловие	9
Глава 1	16
Глава 2	23
Глава 3	27
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Роберт Дарнтон

Поэзия и полиция.

Сеть коммуникаций

в Париже XVIII века

ROBERT DARNTON

Poetry and the Police

Communication Networks in Eighteenth-Century Paris

The Belknap Press of Harvard University Press Cambridge,

Massachusetts

London, England

2010

Редактор серии И. Калинин

*В оформлении обложки использован фрагмент картины Франсуа Буше «Портрет маркизы де Помпадур» (1756).
Attributed to François Boucher. Madame de Pompadour (Jeanne-Antoinette Poisson, 1721–1764). Scottish National Gallery.*

© Robert Darnton, 2016

© М. Солнцева, пер. с английского, 2016

© ООО «Новое литературное обозрение», 2016

* * *

Парижский уличный певец, 1789. Bibliothèque nationale de France, Département d'Estampes

Предисловие

Теперь, когда большая часть людей проводит большую часть времени, обмениваясь информацией – делая записи в блогах и твиттере, загружая файлы в Интернет и из Интернета, кодируя и декодируя их или просто говоря по телефону – общение стало самым важным занятием в жизни. Оно во многом влияет на политику, экономику и повседневные развлечения. Общение до такой степени проникло в наше повседневное существование, что мы считаем, что живем в новом мире, в неслыханном ранее «информационном обществе», как будто людям, жившим раньше, не было дела до информации. Да и о чем было говорить, думаем мы, когда мужчины проводили все время за плугом, а женщины только иногда собирались поболтать у городского колодца?

Конечно, это иллюзия. Информация пронизывала любое человеческое общество с тех пор, как люди стали обмениваться знаками. Чудеса технологий коммуникации последнего времени создали неверное представление о прошлом – ощущение, что у средств коммуникаций нет истории и что они совершенно не имели значения до появления телевидения и Интернета или, по крайней мере, до дагеротипов и телеграфа.

Надо отдать должное, никто не преуменьшает ценности изобретения книгопечатания, и ученые многое выяснили

о силе печатного слова со времен Гутенберга. История книг сейчас считается одной из важнейших дисциплин «наук о человеке» (области, где сталкиваются гуманитарные и социальные науки). Но даже века спустя после Гутенберга многие мужчины и женщины (особенно женщины) не умели читать и, несмотря на это, постоянно устно обменивались информацией, которая практически полностью бесследно утеряна. У нас никогда не будет точной истории коммуникаций, пока мы не воссоздадим ее наиболее важный отсутствующий элемент – устное общение.

В этой книге мы пытаемся отчасти восполнить этот пробел. В редких случаях устное общение оставляло свидетельства своего существования, потому что содержало преступление – оскорбление высокопоставленной персоны, ересь или неуважение к правителю. В редчайших случаях такие проступки приводили к полномасштабному расследованию со стороны государства или церкви, после чего остались многотомные дела, сохраненные в архивах. Свидетельства, легшие в основу этой книги, относятся к самой широкомасштабной полицейской операции, с которой я сталкивался за всю мою исследовательскую архивную работу, – попытке отследить движение шести стихотворений, распространившихся по Парижу в 1749 году. Во время политического кризиса их читали вслух, заучивали, перерабатывали, пели и переписывали на клочки бумаги, смешивая вместе с множеством других сообщений, письменных и устных.

«Дело Четырнадцати» («L’Affaire des Quatorze»), как стали называть это происшествие, началось с ареста студента-медика, который декламировал стихотворение, направленное против Людовика XV. При допросе в Бастилии он назвал человека, от которого получил стихи. Последнего арестовали, он назвал своего знакомого, и аресты продолжались до тех пор, пока полиция не отправила в камеры Бастилии четырнадцать соучастников, обвиненных в распространении запрещенной поэзии. Пресечение злословия («mauvais propos») в отношении правительства входило в обычные обязанности полиции. Но они посвятили так много времени и сил, чтобы найти четырнадцать обычных и безобидных парижан, очень далеких от борьбы за власть в стенах Версаля, что их усилия порождают закономерный вопрос: почему власти в Версале и в Париже были так озабочены преследованием поэзии? Этот вопрос ведет ко многим другим. Стараясь ответить на них и следуя по пути полиции от одного арестованного к другому, мы можем обнаружить сложную сеть коммуникаций и изучить, как распространялась информация в полуграмотном обществе.

Она проходила по нескольким каналам. Большинство из Четырнадцати были юристами и аббатами, прекрасно владевшими словом. Они переписывали стихотворения на клочки бумаги, некоторые из которых сохранились в архивах Бастилии, так как полиция конфисковала их при обыске заключенных. При допросе некоторые из Четырнадцати

рассказали, что они также диктовали стихотворения друг другу и запоминали их наизусть. Действительно, одну такую «читку» провел профессор Парижского университета: он читал стихотворение по памяти, а в нем насчитывалось восемьдесят строк. Искусство заучивания наизусть было важным фактором в системе коммуникаций при Старом режиме. Но самым успешным мнемоническим приемом было использование музыки. Два стихотворения из «дела Четырнадцати» были положены на популярные мелодии, и их движение можно проследить через сборники песен того времени, известные как «channsoniers», где они соседствуют с другими песнями и другими формами устного общения – шутками, загадками, слухами и остротами.

Парижане постоянно писали новые песни на старые мелодии. Текст часто описывал последние события, а когда события получали продолжение, неизвестные острословы придумывали новые строфы. Песни вели постоянный репортаж о государственных делах, и их было так много, что можно заметить, как стихи, передаваемые Четырнадцатю, соотносились с циклами песен, разносящими информацию по улицам Парижа. Их можно даже услышать – по крайней мере современную версию их возможного звучания. Хотя в «channsoniers» и материалах, конфискованных у Четырнадцати, содержится только текст, там указаны первые строчки песен, на мотив которых его надлежало петь. Отыскав эти песни в каталоге музыкального отдела Национальной

библиотеки Франции, можно соотнести слова с мелодиями. Элен Делаво, известная парижская певица кабаре, любезно согласилась записать дюжину самых важных песен. Записи, доступные в качестве электронного приложения (на сайте www.hup.edu/features/darpoe/), дают возможность, пусть и приблизительно, понять, как музыка подчеркивала суть сообщений, передаваемых на улицах и сохраняемых в головах парижан более двух веков назад.

От архивных исследований до «электронного кабаре», эта история содержит аргументы разного вида и степени убедительности. Нельзя доказать ничего однозначно, имея дело со звуком и чувствами. Но ставки высоки достаточно, чтобы рискнуть, ведь если мы уловим звучание прошлого, это обогатит наше понимание истории¹. Историкам не следует тешиться грандиозной иллюзией услышать мир, который потерян для нас. Напротив, любая попытка восстановить специфику устного общения требует предельной тщательности в использовании свидетельств. Поэтому я воспроизвел в приложениях к книге несколько ключевых документов, которые читатели могут изучить, чтобы проверить мою интерпретацию. Последнее из этих приложений служит программой к кабаре-представлению Элен Делаво. Оно предоставляет необычные доказательства, предназначенные как для изу-

¹ За основными мыслями на этот счет обратитесь к: Farge A. *Essai pour une histoire des voix au dix-huitième siècle*. Montrouge, 2009; Schneider H. (ed.). *Chanson und Vaudeville: Gesellschaftliches Singen und unterhaltende Kommunikation in 18. and 19. Jahrhundert*. St. Ingbert, 1999.

чения, так и для развлечения. Как и вся эта книга. Она начинается с детективной истории.

66

Monseigneur de Sacy quelqu'un qui
amais chez luy dans son cabinet
il y a quelques jours les abominables
vous faite sur la voy quil approuve
beaucoup de vous l'indiquera si
vous le souhaitez

Листок бумаги от полицейского осведомителя, послуживший началом цепи арестов. Bibliothèque de l'Arsenal

Глава 1

Стихотворение под следствием

Весной 1749 года генерал-лейтенант полиции Парижа получил приказ арестовать автора оды, начинающейся словами «*Monstre dont la noir furie...*» («Чудовище, чья ярость черна...»). Полиция не располагала какими-либо уликами, кроме того, что поэма была озаглавлена «На ссылку месье де Морепа». 24 апреля Людовик XV снял с должности и отправил в ссылку графа де Морепа, который контролировал правительство, будучи министром морского ведомства и Дома короля. Очевидно, один из союзников Морепа дал выход своему гневу через стихи, очерняющие самого монарха, так как «чудовищем» был назван Людовик XV, – поэтому и привлекли полицию. Клевета на короля в сочинении, которое свободно распространялось, считалась государственным преступлением – оскорблением Его Величества.

Были задействованы легионы осведомителей, работавших на полицию, и к концу июня один из них взял след. Он доложил о своем открытии на листке бумаги – две строчки без даты и подписи:

Месье,

я знаю человека, который ознакомился с гнусными стихами о короле несколько дней назад и чрезвычайно

их одобрил. Я могу назвать вам его имя, если хотите².

Получив двенадцать луидоров (почти годовой доход неквалифицированного работника), осведомитель появился с копией стихотворения и именем того, от кого он ее получил: Франсуа Бони, студента-медика, который жил в Коллеже Луи-ле-Гран, где наблюдал за обучением двоих молодых людей из провинции. Новость быстро понеслась вверх по служебной лестнице: от осведомителя, оставшегося анонимным, к инспектору по книготорговле Жозефу д'Эмери; потом к Николя Рене Беррье, генерал-лейтенанту полиции; к Марку Пьеру де Войе де Польми, графу д'Аржансону, министру военных дел и парижского департамента и самому влиятельному человеку в новом правительстве. Д'Аржансон отреагировал незамедлительно: нельзя было терять ни минуты; Беррье должен арестовать Бони, как можно скорее; «*letter de cachet*» может быть предоставлено позже; нужно соблюдать строжайшую секретность, чтобы полиция могла арестовать сообщников³.

Инспектор д'Эмери исполнил приказ с выдающимся профессионализмом, как он отметил в своем рапорте для Бер-

² Bibliothèque de l'Arsenal, ms. 11690, folio 66. Следующая оценка основана на рукописях, сваленных в одну коробку, некоторые из которых озаглавлены «*L'Affaire des Quatorze*». Некоторые из этих документов были опубликованы в: Ravaissou F. Archives de la Bastille. Paris, 1881. Vol. 12. P. 313–330.

³ Д'Эмери к Беррье, 26 июля 1749 года; и д'Аржансон Беррье, 26 июля 1749 года. Оба письма из Bibliothèque de l'Arsenal, ms. 11690, folios 40 and 42.

рье⁴. Расставив агентов в стратегически важных местах и оставив экипаж ждать за углом, он встретил подозреваемого на рю дю Фуан. Он сказал Бони, что маршал де Ноай хочет его видеть по делу чести, касающемуся капитана кавалерии. Так как Бони знал, что не сделал ничего, что может послужить поводом к дуэли (Ноай решал подобные вопросы), он добровольно последовал за д'Эмери в экипаж и исчез в Бастилии.

Запись допроса Бони сделана обычным образом: вопросы и ответы приведены в форме квазидialogа, их точность подтверждена Бони и проводившим допрос комиссаром полиции Агнаном Филиппом Мише де Рошебрюном, которые оба подписали эту бумагу.

Был задан вопрос, правда ли он написал какое-то стихотворение, порочащее короля, и читал его нескольким людям.

Ответил, что он вовсе не поэт и никогда не писал стихов против кого бы то ни было, но около трех недель назад, когда он был в больнице (Отель-Дьё), навещая аббата Гиссона, начальника больницы, туда примерно в пять часов вечера пришел священник тоже для встречи с Гиссоном; этот священник был выше среднего роста и выглядел лет на тридцать пять; беседа касалась газетных статей; и священник, заметив, что кто-то был столь нечестив, что написал сатирические стихи о короле, показал оду против Его

⁴ Д'Эмери к Беррье, 4 июля 1749, *ibid.*, folio 44.

Величества, которую ответчик скопировал там же, в комнате господина Гиссона, но не записав всех строк и пропустив большие отрывки⁵.

Короче говоря, это было очень подозрительное собрание: студенты и священники обсуждали злободневные события и насмешничали над королем. Допрос продолжался так:

Был задан вопрос, что он сделал с указанным стихотворением. Сказал, что он читал его в комнате в вышеупомянутом Лицее Людовика Великого в присутствии нескольких человек, а потом сжег. Было сказано, что он лжет и не стал бы с таким рвением копировать стихотворение, чтобы потом его сжечь.

Сказал, что рассудил, что стихотворение было написано кем-то из янсенистов, и, имея его перед глазами, он будет всегда знать, на что способны янсенисты, как они думают и даже каким стилем пишут.

Комиссар Рошебрюн разбил эти жалкие оправдания лекцией о бесчестном распространении «яда». Получив свою копию стихотворения от одного из знакомых, Бони – как это знали полицейские – не сжег его. Но они обещали сохранить в тайне имя доносителя, и им было не так уж важно, что случилось со стихотворением, после того как оно попало в руки Бони. Их задачей было проследить ход распространения стихов, чтобы вычислить их источник⁶. Бони не смог назвать

⁵ «Interagatoire du sieur Bonis», July 4, 1749, *ibid.*, folios 46–47.

⁶ В письме к Беррье, датированном 4 июля 1749 года, д'Аржансон ясно дал по-

имия священника, предоставившего ему свою копию. Поэтому, с одобрения полиции, он написал письмо своему другу в Отель-Дьё, спросив имя и адрес этого священника, чтобы вернуть ему книгу, которую якобы взял почитать. Ответ пришел, и в Бастилии очутился священник прихода Сен-Николя-де-Шам Жан Эдуар.

Во время допроса Жан Эдуар сказал, что получил стихотворение от другого священника Ингимберта де Монтаня, который был арестован и сказал, что получил стихотворение от третьего священника Алексиса Дюжаса, который был арестован и сказал, что получил стихотворение от студента-юриста Жака Мари Аллера, который был арестован и сказал, что получил стихотворение от клерка нотариальной конторы Денни Луи Журе, который был арестован и сказал, что получил стихотворение от студента-философа Люсьена Франсуа Дю Шофура, который был арестован и сказал, что получил стихотворение от своего соученика по имени Вермон, который успел обо всем узнать и скрыться, но выдал себя, был арестован и сказал, что получил стихотворение от другого студента – Мобера де Френоза, которого так и не нашли⁷.

нять смысл работы полиции. Он призывал генерал-лейтенанта продолжать расследование, чтобы добраться до первоисточника: «Parvenir s'il est possible à la source d'une pareille infâmie» (Ibid., folio 51).

⁷ Коробка документов из Bibliothèque de l'Arsenal, ms. 11690 содержит подробные отчеты по каждому аресту, но некоторые из рапортов пропали, особенно касающиеся Вармона, Мобера, Дю Терро и Жана Габриеля Транше и, возможно,

По каждому аресту составлялось целое дело, из которого можно почерпнуть огромное количество информации о том, как политическое высказывание – в нашем случае сатирические стихи, сопровождавшиеся бурными обсуждениями и дополненное схожими материалами, – распространяется в обществе. На первый взгляд путь его выглядит прямым, а круг людей достаточно однородным. Стихотворение прошло через руки ряда студентов, священников и клерков, зачастую бывших друзьями и довольно молодых – от шестнадцати (Мобер де Френоз) до тридцати одного (Бони). Сами стихи происходили из той же среды, по крайней мере, Д'Аржансон вернул их Беррье с пометкой: «Я, как и вы, чувствую в этих низких стишках запах школярства и Латинского квартала»⁸.

Но по ходу расследования картина все усложнялась. Стихотворение пересеклось с пятью другими произведениями, такими же бунтарскими (по крайней мере с точки зрения полиции) и распространяющимися своими собственными путями. Их переписывали на клочках бумаги, обменивали на такие же обрывки, диктовали новым переписчикам, заминали, читали вслух, печатали в виде подпольных брошюр, клали на популярные мелодии и пели. Вдобавок к первой группе подозреваемых, посланных в Бастилию, еще семеро были арестованы и указали на пятерых, которым уда-

содержащие информацию о последней стадии дела.

⁸ Д'Аржансон к Беррье, 26 июля 1749 года – Ibid., folio 42.

лось скрыться. В итоге полиция бросила в тюрьму четырнадцать распространителей поэзии – отсюда название операции, согласно записям: «L’Affaire de Quatorze» («Дело Четырнадцати»). Но автор стихотворения так и не был найден. На самом деле у него не могло быть автора, так как люди добавляли строфы и изменяли текст как угодно. Это было коллективное творчество; и первое произведение пересеклось и переплелось со столь многими другими, что все вместе они создали область поэтических импульсов, перетекающих от одной точки распространения к другой и наполняющих воздух тем, что полиция назвала «mauvais propos» или «mauvais discours» («дурными речами») – какофонией мятежных стихов.

Глава 2

Дилемма

Архивная коробка, где записи допросов, донесения и записки свалены вместе под названием «Дело Четырнадцати», может предоставить множество ключей к загадке под названием «общественное мнение». Трудно отрицать, что это явление уже существовало двести пятьдесят лет назад. Десятилетия набирая силу, оно нанесло решающий удар в 1788 году, когда пал Старый режим. Но что именно это было и как оно повлияло на ход событий? Хотя мы располагаем несколькими исследованиями об общественном мнении в его философском осмыслении, мы мало что знаем о том, как оно действительно работает.

Как нам определить его? Должны ли мы считать его волнами протеста, которые накатывали на государственные структуры кризис за кризисом, от религиозных войн XVII века до конфликтов в парламенте в 1780-х? Или состоянием общества, которое возникало и исчезало, в зависимости от причудливых изменений решающих политических и социальных факторов? А может, суждением или множеством различных суждений, происходящих от разных социальных групп с разными исходными данными? Или совокупностью разных позиций, похороненной под грузом событий, но по-

тенциально доступной историкам через исследования-опросы? Можно определять общественное мнение по-разному и исследовать его под множеством углов; но стоит остановиться на какой-то теории, само понятие растворяется в воздухе и исчезает, как Чеширский кот.

Вместо того чтобы пытаться дать определение общественному мнению, я хочу выследить его на улицах Парижа – или, раз уж оно само ускользает из рук, пройти по пути сообщения в средствах массовой информации того времени. Но сначала пару слов об использованном теоретическом материале.

Рискуя слишком все упростить, я все же считаю необходимым отметить две доминирующие позиции по поводу общественного мнения, существующие в исторической науке, одна из которых связана с именем Мишеля Фуко, а другая – Юргена Хабермаса. Приверженцы Фуко считают, что общественное мнение следует понимать как предмет эпистемологии и власти. Как и все остальное, оно создается дискурсом, сложным процессом, включающим в себя организацию восприятия согласно категориям, внедренным в эпистемологическую матрицу. Тот или иной объект не станет существовать, мыслиться, пока он не будет дискурсивно сконструирован. Так что «общественное мнение» не существовало до второй половины XVIII века, когда этот термин был впервые использован, и философы адаптировали его для выражения непререкаемого авторитета или высшей инстанции, перед которой должно отвечать правительство. Сторонни-

ки Хабермаса считают, что общественное мнение следует понимать в социологическом ключе, как разум, действующий через процесс коммуникации. Рациональное решение проблем общества может исходить от самой общественности («Öffentlichkeit»), – если общественные вопросы свободно обсуждаются отдельными гражданами. Такие дебаты могут происходить в печатных изданиях, кафе, салонах и других институтах, составляющих буржуазную «общественную сферу» – понятие, используемое Хабермасом – для обозначения социальной территории, расположенной между частным миром домашней жизни и официальным миром государства. По утверждению Хабермаса, эта среда впервые появилась в XVIII веке, так что общественное мнение изначально было феноменом именно этого времени⁹.

На мой взгляд, в обеих теориях есть своя прелесть, но ни одна из них не сработала, когда я попытался осмыслить со-

⁹ См.: Foucault M. L'Ordre du discours. Paris, 1971; Habermas J. The Structural Transformation of Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, Mass., 1989. Для большего понимания см. обсуждения обеих теорий: Goldstein J. (ed.). Foucault and the Writing of History. Oxford, 1994; Calhoun C. (ed.). Habermas and the Public Sphere. Cambridge, Mass., 1992. По моему собственному мнению, на которое сильно повлияли работы Роберта Мертона и Элиху Катца, наиболее плодотворная теория коммуникаций, по крайней мере наиболее близкая к ситуации во Франции, описана в работах Габриеля де Тарда. См.: Tarde G. L'Opinion et foule. Paris, 1901 и английскую версию эссе Тарда под редакцией Терри Н. Кларка On Communication and Social Influence. Chicago, 1969. Тард предвосхитил некоторые идеи, которые позже были развиты Бенедиктом Андерсоном в книге: Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.

бранный в архивах материал. Передо мной встала та же проблема, что и перед всеми, кто пытается сопоставить теоретические выводы с эмпирическими исследованиями. Так что позвольте мне на этом оставить нерешенными концептуальные вопросы и вернуться к коробке из архивов Бастилии.

Глава 3

Сеть коммуникаций

Диаграмма, изображенная на следующей странице, основана на тщательном изучении архивных материалов и показывает, как работает сеть коммуникаций. Каждое стихотворение – или популярную песню, так как в записях некоторые из них названы *chansons* и упоминается, что их пели на определенную мелодию¹⁰, – можно проследить его движение от человека к человеку. Но настоящее течение должно быть шире и сложнее, так как цепь передачи информации часто прерывается в одном месте и снова появляется в другом.

Например, если проследживать связь с конца, в порядке арестов – от Бони, арестованного 3 июля 1749 года, к Эдуа-

¹⁰ Например, при допросе в Бастилии 10 июня 1749 года Жан Ле Мерсье называл стихотворение, начинающееся словами «Qu'une bâtarde de catin» – «chanson». Ее также называют «chanson» в разных рукописных сборниках сатирических песен того времени, которые, как правило, указывают мелодию. Коллекция La Bibliothèque historique de la ville de Paris, ms. 648, p. 393 описывает это стихотворение как «Chanson satirique sur les princes, princesses, seigneurs et dames de la cour sur l'air Dirai-je mon Confîteor». Другая копия, из коллекции Клерамболя из La Bibliothèque nationale de France, ms. fr. 12717, p. 1 названа «Chanson sur l'air Quand mon amant me fait la cour. Etat de la France en août 1747». Третья копия, написанная на листе бумаги, найденном при аресте Матье-Франсуа Пиданса де Мэробера, имеет то же заглавие «L'Etat de la France sur l'air Mon amant me fait la cour» (Bibliothèque de l'Arsenal, ms. 11683, folio 134).

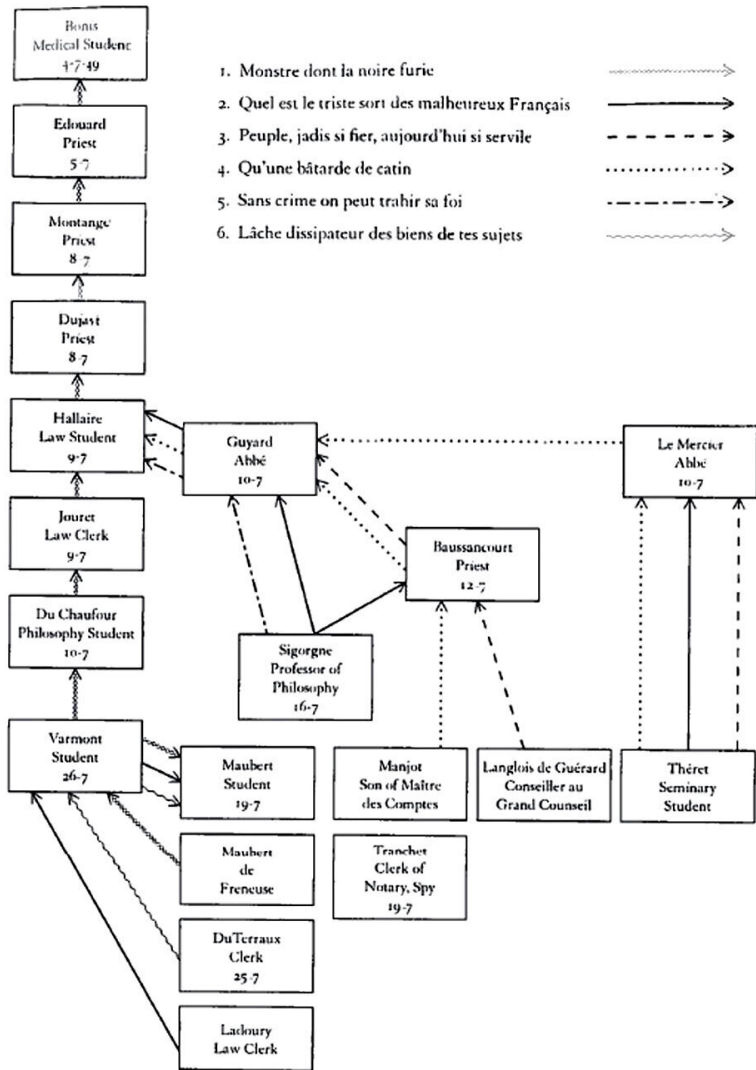
ру, арестованному 5 июля, Монтаню, арестованному 8 июля, и Дюжасу, тоже арестованному 8 июля, путь раздваивается после Аллера, арестованного 9 июля. Он получил стихотворение, за которым охотилась полиция, – обозначенное номером 1 и начинающееся словами «*Monstre dont la noir furie*», – по основной линии, которая идет сверху вниз в левой части диаграммы; он также получил три других стихотворения от аббата Кристофа Гийара, занимающего узловое место в примыкающей к основной линии сети. Гийар, в свою очередь, получил пять стихотворений (два из них идентичные) от троих других людей, которые получили их от своих знакомых. Так, стихотворение 4, начинающееся словами «*Qu'une bête de catin*» («То, что грязная шлюха...»), пришло от семинариста по имени Тере (обозначен в нижнем правом углу) к аббату Жану Ле Мерсье, потом к Гийару и Аллеру. А стихотворение 3, «*Peuple jadis si fier, aujourd'hui si servile*» («Народ некогда гордый, теперь раболепствует»), от Ланглуа де Жерара из Верховного суда попало к аббату Луи-Феликсу де Босанкуру, а от него к Гийару. Но стихотворения 3 и 4, согласно информации из допросов, появлялись и в других точках и не всегда продолжали свой путь по цепи (№ 3 вроде бы остановилось на Ле Мерсье, № 2, 4 и 5 – на Аллере). На самом деле стихотворения могли разойтись очень далеко по куда более сложным схемам, чем вмещает одна диаграмма, и большинство из четырнадцати арестованных за распространение поэзии, скорее всего, сильно приуменьшили свою

посредническую роль, чтобы не брать на себя большую вину и защитить знакомых.

Так что диаграмма дает лишь скупое указание на схему распространения, ограниченное природой документов. Но она точно показывает большой сегмент круга общения, а записи допросов из Бастилии предоставляют много информации о среде, в которой распространялись стихи. Все четырнадцать арестантов происходили из среднего класса парижского и провинциального общества. Это были выходцы из уважаемых семей, имевших хорошее образование, обычно из среды адвокатов, преподавателей и докторов, хотя некоторых можно было назвать мелкими буржуа. Секретарь прокурора Денни Луи Журе был сыном мелкого чиновника («*mesureur de grains*»), отец секретаря нотариуса Жан Габриель Транше был инспектором на Центральном рынке («*contrôleur du bureau de la Halle*»), а отец студента-философа Люсьена Франсуа дю Шофура – бакалейщиком («*marchand épicier*»). Другие происходили из более известных семей, которые объединились для их защиты и стали использовать свои связи и писать просительные письма. Отец Аллера, торговец шелком, писал к генералу-лейтенанту полиции одно прошение за другим, пытаясь обратить внимание на хороший характер своего сына и обещая предоставить рекомендации от его преподавателей и священника. Родственники Ингимберта де Монтаня уверяли, что он прекрасный христианин, чьи предки верно служили церкви

или армии. Епископ Анже прислал рекомендацию, говорившую в пользу Ле Мерсье, который был примерным студентом в местной семинарии и чей отец, армейский офицер, не находил себе места от волнения. Брат Пьера Сигорня, молодой преподаватель философии в Коллеж Дю Плесси, напоминал об уважении к их семье «благородной, но несчастливой»¹¹, а директор колледжа подчеркивал ценность Сигорня как преподавателя:

¹¹ Недатированная записка к Беррье от «Sigorgne, avocat». Bibliothèque de l'Arsenal, ms. 11690, folio 165.

Стрелочки указывают на тех, кто получил стихи.

Даты означают даты арестов.

Схемы распространения шести стихотворений

Репутация, которой он обладал в университете и во всем королевстве, в силу своего литературного таланта, его методики и важности тем, затронутых в его философии, привлекла в наш коллеж много школьников и пансионеров. Неуверенность в его возвращении лишает нас надежды на их прибытие в этом году и даже вынуждает некоторых уехать, что причиняет огромный ущерб коллежу... Я пишу это ради общего блага и будущего литературы и науки¹².

Разумеется, этим письмам нельзя полностью доверять. Как и ответы на допросах, они должны были заставить подозреваемого выглядеть идеальным гражданином, неспособным на преступление. Но из полицейских досье и не кажется, что речь шла об идеологически заряженных собраниях, особенно если сравнить их с досье янсенистов, которых полиция тоже пыталась поймать в 1749 году и которые не скрывали своего отношения к делу. Допрос Алексиса Дюжаса, например, показывает, что его и его друзей поэтические качества стихотворения интересовали не меньше, чем содержащаяся в них политическая сатира. Он сказал полиции, что

¹² Дю Крок, директор Коллеж лю Плесси, к Беррье, 4 сентября 1749 года, *ibid.*, folio 153.

услышал оду на ссылку Морепа (поэма 1), обедая с Аллером, студентом-юристом восемнадцати лет, в его комнате на рю Сен-Дени. В этом респектабельном зажиточном доме, где всегда был готов стол для молодых друзей Аллера, беседа пошла о литературе. В какой-то момент, согласно полицейскому отчету о допросе Дюжаса, «его (Дюжаса) отозвал в сторону Аллер, студент-юрист, гордившийся своими литературными талантами, и прочитал ему стихотворение против короля». Дюжас взял с собой переписанное стихотворение, сделал свою копию и читал его вслух студентам в разных ситуациях. После прочтения в обеденном зале коллежа он дал стихотворение переписать аббату Монтаню, который передал его Эдуару, чью копию получил Бони¹³.

Пересечения в досье создают впечатление какого-то подполья духовных лиц и служащих, но никак не политического заговора. Очевидно, молодые священники, собирающиеся получить степень, любили шокировать друг друга стихотворениями, извлеченными «из-под полы» своих сутан. Можно было бы заподозрить их в янсенизме, потому что эта философия в 1749 году проникала повсюду (янсенисты обладали радикальными августинианскими взглядами на благочестие и теологию и были обвинены в ереси папской буллой «Unigenitus» в 1713 году). Но ни одно стихотворение не выражало симпатий к делу янсенистов, а Бони даже пы-

¹³ Допрос Алексиса Дюжаса в Бастилии, 8 июля 1749 года, *ibid.*, folios 60–62.

тался обелить себя, яростно их осуждая¹⁴. Кроме того, священники часто выглядели скорее эстетами, чем фанатиками, и нередко интересовались скорее литературой, чем политикой; не только молодой Аллер стремился прослыть литератором. Когда его обыскивали в Бастилии, то обнаружили при нем два стихотворения – одно, осуждающее короля (номер 4), и другое, написанное в дополнение к паре подаренных перчаток. Он получил оба от аббата Гийара, пославшего перчатки и сопроводительное стихотворение – сочиненные им поверхностные «стихи на случай» – вместо уплаты долга¹⁵. Гийар получил еще более приземленные строки (номер 3) от Ле Мерсье, который в свою очередь слышал, как Тере читал их в семинарии. Ле Мерсье переписал стихотворение и добавил критические ремарки внизу страницы. Он был возмущен не содержанием, а формой, особенно в строфе, осмеивающей канцлера д'Агессо, где ужасным образом рифмовались слова «*décrépit*» и «*fil*»¹⁶.

¹⁴ Бони к Беррье, 6 июля 1749 года, *ibid.*, folios 100–101.

¹⁵ Допрос Жана Мари Аллера в Бастилии, 9 июля 1749 года, *ibid.*, folios 81–82. Стихотворение о перчатках из folio 87.

¹⁶ Допрос Жана Ле Мерсье, 10 июля 1749 года, *ibid.*, folios 94–96. Объяснения Ле Мерсье полиции показывают, как устные и письменные способы передачи информации сочетались в сети коммуникаций: «Que l'hiver dernier le déclarant, que état au séminaire de St. Nicolas du Chardonner, entendre un jour le sieur Théret, qui était alors dans le même séminair, réciter des couples d'une chanson contre la cour commençant par ces mots, "Qu'une bâtarde de catin"; que le déclarant demanda ladite chanson audit sieur Théret, qui la lui donna et à laquelle le déclarant a fait quelques notes et a même marqué sur la copie par lui écrite et donnée audit sieur

Молодые аббаты делились стихами со своими друзьями с других факультетов, особенно с юридических, а также с учениками, заканчивающими «philosophie» (последний год в средней школе). Их сеть опутала самые известные коллежи в Парижском университете – включая Луи-ле-Гран, дю Плесси, Наварр, Аркур и Байо (но не убежденно янсенистский Коллеж дю Бовэ) – и вышла за пределы Латинского квартала («le pays latin», как презрительно назвал его д'Аржансон). Допрос Гийара показал, что он получил свой набор стихотворений от священнослужителей, но распространял его среди людей светских, в числе которых был не только Аллер, но и юрист, и советник суда провинции Ла-Флеш, и жена парижского трактирщика. Передача информации шла через запоминание, записки и цитирование в местах дружеских встреч¹⁷.

Guyard que le couplet fait contre Monsieur le Chancelier ne lui convenait point et que le mor “decrepit” ne rimait point à “fils”. Ajouté le déclarant que sur le même feuille contenant ladite chanson à lui donnée par ledit sieur Thérét il y avait deux pièces de vers au sujet du Prétendant, l’une commençant par ces mots “Quel est le triste sort des malheureux Français”, et l’autre par ceux-ci, “Peuple jadis si fier”, lesquelles deux pièces le déclarant a copiées et déchirées dans le temps sans les avoir communiquées à personne». См. перевод этого признания в главе 10. С. 70.

¹⁷ Гийар, как и Ле Мерсье, дал полиции детальный отчет о процессе передачи стихотворений во время допроса 9 июля 1749 года, *ibid.*, folio 73: «Заявил нам... что в начале этого года под диктовку господина Сигорня, преподавателя философии в Коллеж де Плесси, он записал стихи, начинающиеся следующими словами: “Как ужасна судьба злополучных французов”, а примерно месяц назад стихи о двадцатипроцентном налоге короля, начинающиеся так: “Без злодеянья отступимся от веры”; заявитель продиктовал первое стихотворение господину Даму-

Прослеживая распространение стихов, полиция все дальше удалялась от церкви. Они добрались до судьи Верховного суда (Ланглуа де Жерара), секретаря прокурора Верховного суда (Журе), секретаря прокурора (Ладури) и секретаря нотариуса (Транше). Полиция вышла на еще одну группу студентов, по всей видимости, собиравшуюся вокруг молодого человека по имени Вармон, который заканчивал свое обучение философии в Коллеж д'Аркур. У него собралась приличная коллекция мятежных стихов, включая стихотворение № 1, которое он выучил и читал в аудитории Дю Шофуру, тоже студенту-философу, который передал его дальше по пути, в конце концов приведшему к Бони. Вармона спугнул арест Дю Шофура, о котором он узнал от Жана Габриеля Транше, секретаря нотариуса, который был к тому же по-

ру, адвокату при Государственном совете, проживающему на улице де ля Веррери напротив улицы дю Кок, и передал эти стихи о налоге “vingtième” господину Аллэру-младшему, а также накануне продиктовал их мадам Гарнье, проживающей на улице де Л'эшель Сэнт-Оноре у торговца прохладительными напитками, и отослал господину де Бир, советнику уездного суда в городе Ла-Флеш, стихи, начинающиеся словами: “Как ужасна судьба”. Заявитель добавил, что господин де Боссанкур, профессор Сорбонны, проживающий на улице Сент-Круа де ля Бретоннери, передал ему копию листков “Эко де ля кур”, которая хранилась в комнате заявителя, и что он передал ее указанной мадам Гарнье, муж которой, торговец продовольствием, в настоящее время находится в отлучке; и что тот же господин де Боссанкур прочитал ему другое стихотворение, о дофине, начинающееся такими словами: “Народ, некогда столь гордый”, копию которого заявитель не сделал. Кроме того, заявитель указал, что найденная в его кармане песня принадлежит перу господина аббата Мерсье, живущего в указанном Коллеже де Байё, который и передал ее заявителю» (перевод с фр. Сергея Рындина).

лицейским осведомителем и потому имел доступ к внутренней информации. Но Транше не смог замести следы, так что он тоже отправился в Бастилию, а Вармон залег на дно. Через неделю Вармон, по всей видимости, выдал себя полиции, но был отпущен после дачи показаний о своих вольнодумных знакомых. В них входила небольшая группа служащих и студентов, двоих из которых арестовали, но они не смогли предоставить следующих зацепок. На этом этапе документы иссякают, а полиция, судя по всему, опускает руки, потому что след стихотворения № 1 становится таким неявным, что его больше нельзя отличить от всех стихов, песен, эпиграмм, шуток, сплетен и расхожих фраз, передававшихся по сети городских коммуникаций¹⁸.

¹⁸ Среди арестованных, как описано в недатированном общем отчете по делу подготовленном полицией (*ibid.*, folios 150–159), были Франуса Луи де Во Травер дю Терро, которого называют «уроженцем Парижа, служащим архива Гран Огюстен», и Жан-Жак Мишель Мобер, шестнадцатилетний сын Огустина Мобера, «прокурор» в суде Шатле. Жан-Жак был студентом-философом в Коллеж д'Аркур, и его не стоит путать с известным литератором-авантюристом Жаном Анри Мобером де Жуве, рожденным в Руане в 1721 году. Брат Жан-Жака, которого полиция называет просто «Мобер де Ферноз» (*ibid.*, folio 151), тоже участвовал в распространении стихотворений, но так и не был пойман. Досье Вармона пропало из архивов, так что его роль тяжело определить. Согласно замечанию из допроса Мобера, его отец работал в полиции. Так что, возможно, Вармон-рёге поспособствовал сделке, по которой его сын явился с повинной, но был отпущен после дачи показаний. Допрос Жан-Жака Мишеля Мобера (*ibid.*, folios 122–123) тоже иллюстрирует взаимопроникновение устных и письменных способов распространения: «Сказал нам... что несколько месяцев назад упомянутый Вармон, который зашел к нему как-то после обеда, показал заявителю несколько стихотворений, направленных против Его Величества, среди которых, как гово-

рит Вармон, были те, что дал ему некий господин, имя которого он не ведаёт... что упомянутый Вармон-младший, сказав, что тот же господин продиктовал ему по памяти один из упомянутых стихов, начинающийся так: “Трусливый расточитель имущества своих подданных”, прочитал оду на ссылку Г. де Морепа... Заявитель также указал, что вышеупомянутый Вармон продиктовал в классе и в присутствии заявителя, который находился рядом с ним, указанную оду означенному Дю Шофуру, студенту философии». В рапорте, датированном июлем 1749-го (ibid., folio 120), Беррье писал, что Журе сказал, что он получил «оду, состоящую из 14 строф против короля, озаглавленную “На ссылку Г. де Морепа” от Дю Шофура, который доверил ее ему с целью сделать копию, и что Дю Шофур сказал ему, что он записал ее во время занятий в Коллеже д’Аркур, со слов некоего студента философии, и объяснил, что Журе передал указанную оду Аллеру-младшему, чтобы тот сделал с нее копию» (перевод с фр. Сергея Рындина).

Глава 4

Идеологическая угроза?

Из-за того, что погоня за поэзией уводила полицию в столь разных направлениях, складывается ощущение, что следствие свелось к серии арестов, которые могли бы продолжаться бесконечно, так и не дойдя до самого автора. Куда ни глянь, повсюду оказывался кто-то читающий или поющий едкую сатиру на двор и короля. Это безобразие распространялось среди молодых интеллектуалов внутри духовенства и особенно прочно укоренилось в оплотах традиционной интеллектуальной строгости, таких как коллежи или юридические конторы, где дети буржуа заканчивали свое обучение и профессиональную практику. Неужели полиция почувствовала гнильцу в самом сердце Старого режима? Возможно — но стоило ли к этому относиться как к мятежу? В досье упоминается множество беззаботных аббатов, юристов и студентов, желающих показать свое остроумие и с удовольствием передающих политические слухи в стихотворной форме. Это была опасная игра, куда более опасная, чем им казалось, но вряд ли она угрожала Французскому государству. Почему же полиция отреагировала так сурово?

Единственным заключенным, проявившим хоть какое-то серьезное неповиновение, был профессор философии в Кол-

леж дю Плесси – тридцатиднолетний Пьер Сигорнь. Он вел себя не так, как другие. В отличие от них он все отрицал. Он дерзко ответил полиции, что не сочинял стихов, никогда не имел их копий, не читал вслух и не собирается подписывать протокол допроса, так как считает его незаконным¹⁹.

Поначалу бравада Сигорня убеждала полицию, что они наконец нашли своего поэта. Никто из задержанных, кроме него, не колебался, указывая на свой источник информации, частично благодаря методам допроса: полиция заявляла, что тот, кто не сможет сказать, откуда получил стихотворение, станет подозреваться в том, что сочинил его сам, – и будет наказан соответственно. Гийар и Боссанкур уже подтвердили, что Сигорнь при разных обстоятельствах надиктовал им два стихотворения по памяти. Одно из них, № 2 «*Quel est le triste sort des malheureux Français*» («Как ужасна судьба злополучных французов»), имело восемьдесят строк; другое, № 5 «*Sans crime on peut tranhir sa foi*» («Сторонясь преступлений, можно предать свою веру»), имело десять строк. Хотя заучивание наизусть было популярно и хорошо развито в XVIII веке и некоторые другие заключенные по этому делу также были вовлечены в эту практику (Дю Терро, например, прочитал стихотворение № 6 Вармону по памяти, а тот

¹⁹ Наиболее важные документы, касающиеся Сигорня: донесения д'Эмери к Беррье, 16 июля 1749 года; Рошебрюн – к Беррье, 16 июля 1749 года; и Показание господина Пьера Сигорня (*Déclaration du sieur Pierre Sigorgne*) из Бастилии, 16 июля 1749 года. Все они находятся в *Bibliothèque de l'Arsenal, Bastille Archives*, ms. 11690, folios 108–113.

запомнил его, пока слушал), такой выдающийся объем удержанной в памяти информации мог свидетельствовать об авторстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.